

ЛЕВ ГУРСКИЙ

Игра в гестано

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г95

В оформлении обложки использованы материалы
по лицензии агентства *Shutterstock, Inc*

Гурский Л.

Г95 Игра в гестапо : [повести] / Лев Гурский. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 379 с. — (Серия «Политический детектив»).

ISBN 978-5-517-02899-0

Книга Льва Гурского состоит из трех повестей: «Яблоко раздора», «Игра в гестапо» и «Мертвый индеец», объединенных одним главным героем. Скромный фармацевт Дмитрий Олегович Курочкин — убежденный домосед, потому что знает о своей клинической невезучести: стоит ему выйти из дому, как он обязательно впутается случайно то в кровавую разборку из-за безобидного на первый взгляд чемоданчика, то в нелепую историю с похищенными драгоценностями, то в кошмарное покушение на заезжую знаменитость...

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-02899-0

© Гурский Л., наследники, 2021
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

Автор считает своим долгом предупредить: все события, описанные в романе, вымышлены. Автор не несет никакой ответственности за возможные случайные совпадения имен, портретов, названий учреждений и населенных пунктов, а также какие-либо иные случаи непредсказуемого проникновения чистого вымысла в реальность.

ЯБЛОКО РАЗДОРА

I

Когда жена повышала голос, Курочкин с тоской думал о том, что супруга капитально ошиблась в выборе профессии. Ей следовало бы работать не в бухгалтерии издательства, а, как минимум, в службе громкого оповещения Управления гражданской обороны, где носить чин не ниже полковничьего. Голос, который жена неэкономно расходовала всего лишь на громовое «Дми-и-и-трий!», можно было бы тогда использовать с гораздо более высоким КПД — например, вместо сирены на случай объявления учебной тревоги. Курочкин очень ярко представлял себе, как при первых завываниях его Валентины жители всего микрорайона трусливо втягивают головы в плечи, хватают детей, документы, теплую одежду и запас продовольствия на три дня, а затем дисциплинированно мчатся в бомбоубежище, дабы переждать там ядерную атаку вероятного противника.

К сожалению, никакого убежища от родной жены у самого Курочкина не было: маленький чуланчик два на три метра, где Дмитрий Олегович выклянчил себе место для мини-лаборатории, не имел никакой защиты от прямого попадания супруги. Дверь в чуланчик лишена была даже намеков на задвижку — чтобы Курочкин не обольщался по поводу своих прав и обязанностей в семье...

— Дми-и-и-трий! — раздалось уже совсем рядом.

Задрезбезджали на полках пустые реторты и склянки с препаратами. Завибрировали тигельки на краю стола.

Гулко отозвался жестяной кожух старенького вытяжного шкафа. Мутная капля сорвалась с конца пипетки и вместо предметного стеклышка микроскопа угодила прямо на брюки. На его любимые синие домашние брюки.

— Черт... — прошептал Курочкин, не без любопытства наблюдая, как едкая дрянь из пипетки деловито пожирает органический краситель. Через пару секунд в ровном океане брючной синевы возник остров цвета Гренландии на школьном глобусе. Формой возникший остров напоминал почему-то Мадагаскар. Эпоха великих географических открытий таким образом продолжилась, но брюки были испорчены. Впрочем, нет худа без добра: теперь-то и ежику ясно, что препарат нуждается в доработке. В таком виде он элементарно не пригоден для перорального применения, поскольку эта гадость первым делом сожжет слизистую рта. Сукины дети! Этих горе-фармацевтов из «Витакса» неплохо было бы накормить хоть разок их собственными безумными снадобьями. Для профилактики будущих глупостей. Подобное, как известно, лечится подобным.

Дверь в чуланчик распахнулась. Курочкин поспешно задвинул под стол ногу с белым пятном на коленке, чуть не опрокинув при этом термостат — ценный прибор, который Дмитрий Олегович вынес с институтской свалки. По правде говоря, ценный прибор пока не работал, и Курочкин использовал его в качестве сейфа. Круглая дверца термостата с тихим недовольным лязгом приотворилась, оттуда начала вываливаться пластмассовая коробочка с опытными образцами.

— Вот ты где! — произнесла Валентина таким тоном, словно бы ожидала найти мужа в каком-нибудь другом месте квартиры. Например, в холодильнике или на антресолях среди старой одежды.

— Вот я где, — на всякий случай подтвердил Курочкин, преданно глядя на жену. Правой рукой, нырнувшей под стол, он сумел подхватить коробочку и засунуть ее в кар-

ман брюк, а правой ногой — прихлопнуть дверцу взбунтовавшегося сейфа.

— Работаешь, — уличила Валентина.

— Нет... Ну так, немножко, — отозвался Курочкин, изображая на пальцах размеры сегодняшней работы. Буквально с ноготок.

— Трудисься в выходной день, — с нажимом уточнила супруга. Тигельки на краю стола вновь жалобно звякнули.

— Э-э, доделываю... — с покаянной миной согласился Дмитрий Олегович. — Понимаешь, Валечка, эти идиоты из «Витакса» выбросили на наш рынок одно патентованное средство...

— Это ты у меня идиот, — проникновенно объявила Валентина. — Патентованный. Поглядите-ка на морального урод, на которого я сдуру польстилась двадцать три года назад. Мало ему шестидневной рабочей недели в его поганой конторе — он еще ухитряется брать свои порошки и капли домой. Ни копейки лишней с этого не имея. При зарплате, которой хватает на неделю, если питаться одними макаронами... Разве не идиот? — Супруга обвела глазами лабораторное имущество, призывая в свидетели своей правоты курочкинские реторты, микроскоп и вытяжной шкаф. Испуганное оборудование в который уже раз послушно завибрировало в такт словам Валентины. «Жалкие трусы, — с горечью подумал Курочкин. — И вы — с ней заодно!»

Жена несколько преуменьшила размеры его зарплаты, однако в принципе была права. НИИ Экспериментальной фармакологии, где Дмитрий Олегович сидел на ставке старшего научного сотрудника, не баловал высоким жалованьем, зато загружал своих служащих под завязку. Ежемесячно на внутреннем рынке возникало несколько десятков новых препаратов, которые в лучшем случае могли оказаться бесполезными, а в худшем — небезопасными. Каждое снадобье нуждалось в элементар-

ной проверке, однако дураков, согласных вкалывать день и ночь за государственное пособие, в родном НИИ становилось все меньше и меньше. Народ уходил в частные фирмы на непыльную работенку консультантов, и после каждого объяснения с супругой Курочкин честно завидовал счастливым. Однако почему-то все равно оставался в числе немногих могикан, приходящих на службу в девять и уходящих только после восьми. Должно быть, Курочкину просто нравилась его работа. Его вдохновляла возможность удовлетворять свое научное любопытство даже за маленькую зарплату. Возможно, это и было самым настоящим сумасшествием. Курочкин даже иногда намеревался пойти и провериться у психиатра, не псих ли он.

— Значит, так, — сурово сказала Валентина, дождавшись, пока все имущество в чуланчике засвидетельствует почтение истинной хозяйке квартиры. — Опыты прекращаются. Сейчас получишь деньги и немедленно отправишься в магазин за яблоками...

— За яблоками? — удивленно переспросил Курочкин. Перед глазами его возникла вдруг картинка: Адам, Ева, древо и Змей. Неужто Валентина решила провести сеанс познания Добра и Зла при помощи магазинных фруктов?..

— Для яблочного пирога, — вывела его из транса супруга. — Сегодня вечером у Терехиных серебряная свадьба. Мы с тобой приглашены, обалдуй!

Курочкин искоса глянул на микроскоп. Бросать опыты ужасно не хотелось, тащиться вечером к Терехиным — тем более. Глава семейства был краеведом-любителем. Рассказами о древних камешках и черепашках он мог на смерть уболтать любого.

Пока Дмитрий Олегович мысленно перебирал варианты, как бы верней отбояриться от несвоевременного поручения (а заодно — и от попадания в лапы краеведа), супруга легко вытащила его из уютной тесноты рабочего